

В издательстве “Молодая гвардия” в серии “История продолжается” вышла книга Анатолия Житнухина о лидере российских коммунистов Г. А. Зюганове. Геннадий Андреевич — давний друг и автор “Нашего современника”, поэтому редакция с удовольствием представляет главы из этой книги. Мы предпослали публикации текст выступления В. Г. Распутина на обсуждении книги Житнухина в Иркутске.

НУЖЕН ТАКОЙ, КАК ОН

Говорить и писать о Геннадии Андреевиче Зюганове и легко, и трудно. Легко потому, что на продолжении всей “окаянной” эпохи конца 80-х, во все 90-е, а затем и двухтысячные годы он не менял своих позиций, не менялся, казалось, даже внешне и стоял на своем без колебаний, когда не только общество, не только страну, но и весь мир, казалось, трясло безудержно. На протяжении двадцати лет он выдерживал, как лидер своей партии, такое, что едва ли это удалось бы кому другому. Лидер партии, но он ведь был лидером не только коммунистов, но и большинства, если не всех патриотов, независимо от того, признавали они это или нет.

Это была его инициатива — “Слово к народу” летом 91-го года, когда уже не оставалось сомнений, что великая наша держава, еще вчера великая, сегодня в смертельном крене. “Слово” не остановило этого крена, этого падения, но оно заставило предателей взвыть от ярости и обнаружить себя и подлые свои планы. “Письма”, правды его и предостережений испугались, это было хорошо видно — и с той поры борьба за власть, за Россию пошла в открытую, скрывать больше было нечего. С той поры и началась звериная травля Геннадия Андреевича, травля бешеная, бесстыдная и бесконечная, какая, мне кажется, и в мировой истории выпадает редко.

Не знаю, ошибался ли в какие-то периоды этой борьбы Геннадий Андреевич, автор книги о Зюганове об этом не говорит, а партийная жизнь и борьба не всегда наивно приоткрыты во всем, но что касается общественной борьбы — это была мудрая, откровенная и бесхитростная работа. Спасать партию после 91-го года, а затем и после 96-го года — надо было иметь и редкое мужество, и редкий талант, и недюжинное организаторское умение.

Я вспоминаю, что после 91-го года даже люди, далекие от коммунизма, пошли за Зюгановым. Под его руководством тогда был создан Координационный совет народно-патриотических сил России. Непримиимые, казалось бы, по многим позициям, здесь они искали и находили единство и вырабатывали единые действия. Тут были и священник Александр Шаргунов, и скульптор Вячеслав Клыков, и ученый Игорь Шафаревич, и профессор Всеволод Троицкий, и писатель Владимир Крупин... И многие, в других обстоятельствах редко встречающиеся знаменитости. Подолгу, помнится, не сидели, решали, договаривались и расходились, чтобы через неделю, через две снова сойтись.

Геннадий Андреевич поспевал всюду. Уже позже, лет пять назад, в одном из педагогических университетов устроили читательскую конференцию по моей только что вышедшей книге “Дочь Ивана, мать Ивана”. Народ все больше свой — писатели и земляки-иркутяне. И неожиданно появившийся Геннадий Андреевич. Послушал. Я предполагал, что его присутствие тем и кончится, а он, оказалось, книжку прочел и сказал о ней так, что лучше, глубже, точнее, интересней, мне кажется, и сказать было нельзя. На другую книгу, я думаю, он и не пошел бы, но эта была горяча, спорна, невольно затрагивала совет-

ские каноны о нерушимости братства всех ее народов, и Геннадий Андреевич, пожалуй, лучше всех разобравшийся, что происходит теперь с прежним братством, решил, что его слово будет к месту. Как и вышло.

А его выступления на Всемирном Русском Народном Соборе. Ни одного не пропустил. Потому что это важно, аудитория огромная и не случайная, и слово отсюда расходится далеко. Пытались замалчивать его и с этой трибуны — ан нет, слышно, и без TV, которого хватает лишь на издевки, слышно далеко и четко. Огромный зал замирает, когда начинает говорить Зюганов.

Все мы прекрасно понимаем: чтобы Россия поднялась на ноги, чтобы вытравила она из себя тяжелые болезни и в особенности гадости, необходим такой лидер, как он. Потому что он предлагает то, что нужно для утверждения народа и спасения страны, то, что не “поперек” России и не во вред человеку.

Валентин Распутин

АНАТОЛИЙ ЖИТНУХИН

ЛИДЕР

“Народные партийцы”

Седой высокий старик в кабинет секретаря горкома партии вошел спокойно и с достоинством. Сделал несколько шагов и остановился, переступил ногами на месте, словно проверяя пол на прочность. Геннадий Андреевич поднялся навстречу, приглашая к столу: “Проходите, отец”. — “Да я уж и не знаю, молодой человек, есть ли нам с тобой о чем говорить. Я ведь к тебе за помощью пришел — у меня крышу с дома ураганом сдуло. Раньше я бы и сам ее отремонтировал, но теперь стар стал. А сыновей моих на войне поубивало. Но смотрю, наверное, никудашный из тебя помощник, коль ты у себя под носом пол не можешь отремонтировать — скрипит весь, того гляди провалится”.

Сильно смутил посетитель хозяина кабинета, пришлось ему оправдываться: мол, только пришел на новое место, ещё не успел порядок навести... Старуку, конечно, помогли. Спустя несколько дней Зюганов сам съездил к нему, убедился — доволен дед остался. Но урок молодому партийному руководителю преподал хороший: собрался другими руководить — начни с себя. Не будем сейчас рассуждать, хорошо это было или плохо, но в партийных и советских органах люди ощущали реальную власть, признавали эту власть и хотели видеть ее дееспособной. Может, кому-то она и была не по душе, но народ власти доверял, в обкомы, горкомы и райкомы шли с производственными, жилищными, бытовыми проблемами и были уверены, что здесь рассудят по справедливости.

Вспоминая о партийных и советских руководителях, с которыми довелось работать в Орле, Геннадий Андреевич не раз подчеркивал, что все они были *народными партийцами* в подлинном смысле слова, не отделяли себя от народа, ощущали себя его неотъемлемой частью. Никто из них не отсиживался в своих креслах — “кабинетный” стиль руководства считался порочным и неприемлемым. Но помимо этого ко многому обязывала непосредственная близость к земле и людям. Ведь даже в областном центре — все у всех на виду, никакими обкомовскими или горкомовскими стенами от народа не отгородишься. Большая часть времени уходила на встречи и общение с людьми — на предприятия, в совхозах и колхозах, по месту жительства. И везде — масса вопросов, требующих внятных ответов и конкретных мер. Практически каждый день — прием населения, под жестким контролем находилась работа со всеми письменными обращениями трудящихся.

Позиция рабочего человека всегда конкретна, пустыми посулами и демагогическими рассуждениями от него не отделаешься. Почувствуют фальшь в

речи или общении – грош тебе цена будет. Как-то в день выборов случилось в городе ЧП: взбунтовалось строительное общежитие. С утра многие мужики были уже в подпитии и голосовать не пошли. Поехал к ним Зюганов. Едва появился, тут же возник стихийный митинг. Высказали, не стесняя себя в выражениях, все, что думают о своем начальстве и начальстве вообще. Пришлось Геннадию Андреевичу проявить изрядную выдержку, чтобы выяснить причины недовольства. Оказалось, что многие в тесноте живут, в общежитии много детей, а детской площадки нет. Разбирались с каждым недовольным в отдельности. Все большие семьи Зюганов переписал, а вопрос с детской площадкой обещал решить в течение недели. Успокоились люди, пошли на избирательный участок. Свои обещания Геннадий Андреевич выполнил: и детскую площадку построили, и жилищные условия многосемейным улучшили. С подобными проблемами ему приходилось сталкиваться часто, и никогда люди не оставались брошенными на произвол судьбы. Надежно был защищен человек в социальном плане. Разное, конечно, случалось, но человека, труженика советская власть уважала и ценила. Не дай Бог чтобы на каком-нибудь предприятии на пару дней зарплату задержали – головы бы у начальников полетели немедленно.

В подходе к делу и людям существовал реальный демократизм. В некоторых случаях – можно сказать, даже чрезмерный. Например, принцип обязательного рассмотрения любого письма или заявления, поступившего в руководящие органы, был на руку некоторым любителям “эпистолярного жанра”, плодившим кляузы и анонимки. Мало того, что отнимали эти сочинения уйму времени, гораздо хуже другое – анонимки нередко использовались в качестве оружия борьбы с порядочными, инициативными, честными людьми. Нередко проходили через эти испытания и партийные работники. К примеру, в бытность секретарем городского комитета партии довелось Зюганову вместе с первым секретарем горкома А. П. Ивановым заниматься реконструкцией одной из центральных площадей Орла и прилегающих к ней улиц. Волей-неволей пришлось тогда принять, прямо скажем, нелегкое решение о вырубке трех десятков старых кленов. Хотя вместо них триста новых деревьев посадили, рядом заложили парк, а на соседней Комсомольской улице сняли трамвайное полотно и разбили сквер, много нервов им с Ивановым попортили: много разных глупостей в обком насочиняли, даже в Москву обращались. Успокоились только по весне, когда зазеленели вокруг молодые саженцы и декоративные кустарники, запестрели цветы. Ахнули жители города, увидев, как преобразилось все вокруг.

Случай этот запомнился Геннадию Андреевичу тем, что, пожалуй, впервые на собственном опыте познал, что даже верные решения и необходимые действия не всегда и не сразу встречают понимание и поддержку окружающих, а затраченные усилия – адекватную оценку. На первых порах в подобных ситуациях нервничал, а когда приходилось сталкиваться с недопониманием или незаслуженными упреками, в глубине души нередко начинала шевелиться обида. Конечно, со временем можно ко всему привыкнуть, приобрести своеобразный иммунитет, притупляющий остроту тех проблем, которые неизбежно наваливаются на тебя и не дают покоя ни днем, ни ночью. Многие партийные руководители в конце концов так и поступали, находили для себя удобную нишу и, постепенно черствея, нередко превращались в закоснелых бюрократов. Зюганов этой участи избежал. Во многом благодаря своему главному наставнику тех лет – Альберту Петровичу Иванову, одному из тех людей, у которых он приобретал уникальный жизненный опыт.

У Иванова перенял Зюганов крепкую хозяйственную хватку и распорядительность, умение вникать в суть экономических проблем. Так что не пропади здоровая хозяйская жилка и основательность, присущие ему с раннего детства. Чем бы ни приходилось Геннадию Андреевичу заниматься на партийной работе, окружающие неизменно отмечали: человек знает свое дело. Очевидцы приводят такой пример. За время работы в горкоме партии довелось Зюганову принять десятки делегаций, приезжавших в Орел со всей страны и даже из-за рубежа изучать прогрессивные методы жилищного строительства. Как правило, в их составе, наряду с партийными руководителями, всегда были специалисты-строители, которые постоянно принимали Зюганова за своего коллегу и искренне удивлялись, узнав, что он не имеет строительного образования, – настолько глубоко владел он не только общими, но и специфиче-

ческими проблемами строительства. Но удивляться было нечему – он изучил едва ли не всю доступную литературу по градостроению, постоянно общался с ведущими архитекторами, планировщиками и инженерами, а возглавив городской штаб по внедрению “непрерывки”, вник во все тонкости этого метода. Но прежде всего прекрасно усвоил он одну из главных заповедей партийного работника: без основательного овладения предметом управления любые разговоры о политическом руководстве теряют смысл.

Запомнилась Геннадию Андреевичу беседа с Альбертом Петровичем, которая состоялась сразу после пленума, избравшего его секретарем горкома партии. До поздней ночи шел тогда обстоятельный и доверительный разговор о жизни, о нелегкой ноше партийного работника, о той линии поведения, которую предстоит определить для себя Зюганову. Главное, говорил тогда первый партийному руководителю, не гоже делить людей, ради которых он в конечном счете и работает, на хороших и плохих, на покладистых и неудобных. Более того, к несимпатичным людям надо относиться с удвоенным вниманием, дабы личные антипатии не отразились на интересах дела или судьбе человека.

Крепко запомнились и такие слова:

“У нас с тобой только один тыл – семья, и чтобы сохранить его в надежности, не тащи в дом свои служебные проблемы, иначе превратишь жизнь своих близких в кошмар. Оберегай семью, чтобы ни случилось, ты должен всегда приходить домой в спокойном, доброжелательном расположении духа”.

Последний совет был, пожалуй, особенно важен для молодого партийного руководителя, так как в том же 1974 году в семье Геннадия и Надежды Зюгановых родился второй ребенок – дочь Татьяна, а первенцу – сыну Андрею исполнилось шесть лет. Конечно, Иванов знал, что Зюганов хороший семьянин, но знал он и о том, чем для близких может обернуться работа главы семьи на пределе душевных и физических сил, по 12–14 часов в сутки, практически без выходных. Геннадий Андреевич свой тыл сохранил. Не только потому, что внял наставлениям старшего товарища. Главное, наверное, все же заключалось в основе его характера и здоровой психологии русского человека, для которого семья при любых обстоятельствах остается главным в жизни.

Были в его семейной жизни и трудности – у кого их нет. После свадьбы, которую сыграли в 1966 году сразу же после возвращения Геннадия из армии, довелось им с Надеждой помыкаться по углам и общежитиям. Сначала сняли комнату в деревянном доме, в которой с трудом помещались кровать, стол и два стула. Рай в шалаше продолжался до наступления холодов, когда выяснилось, что дом находится в аварийном состоянии и жить в нем нельзя. Что и было зафиксировано в акте комиссии, осмотревшей жилище. Хозяев переселили, а квартирантам деваться было некуда. Наспех заготовили дров, печку топили два раза в день, утром и вечером, но в перерыве между топками тепло быстро улетучивалось сквозь бесчисленные щели, и за ночь вода в ведре покрывалась коркой льда. Перезимовали! И теперь часто вспоминаются Геннадию Андреевичу эта комнатка с маленьким оконцем, подернутым морозными узорами, потрескивающие дрова в печи, тусклый свет лампочки под видавшим виды абажуром.

Весной пришлось молодым другое пристанище искать, через год – третье. Одно время квартировали у сапожника. Мужик тот был неплохой, вот только, когда выпивал, лез с женой драться. В такие дни Геннадию приходилось их разнимать. Первое свое жилье молодая семья получила, когда Геннадий работал секретарем комитета комсомола института. Была это небольшая комната в расположенном за городом рабочем общежитии завода “Химмаш”. Представляло собой это общежитие отдельный дом гостиничного типа с удобствами общего пользования, в котором было пять комнат и проживало пять семей. Жили дружно, хотя иногда и случались среди соседей мелкие ссоры и неурядицы. Возложили на Геннадия нечто вроде обязанностей мирового судьи – признали в нем начальство. . .

Пришлось пережить несколько сложных периодов и в Москве, особенно в конце восьмидесятых – начале девяностых годов. Надо сказать, что к тому времени на руках у Геннадия Андреевича находилось практически шесть человек: отец и мать – пенсионеры, жена тогда работала на заводе рядовым инженером по информации с символической зарплатой, сын с невесткой – студенты, да к тому же с грудным ребенком. Непросто такую семью прокормить было. И все же не зря раньше в народе говорили, что семья сильна, когда над

ней крыша одна. Именно семья стала главной опорой Зюганову, когда он, придя к окончательному выбору, оказался в полной конфронтации с руководством ЦК КПСС, ступившим на путь предательства. Три раза оставался без работы – в руководителях с твердой позицией “демократическая” власть не нуждалась. Пытались, правда, апеллировать к рассудку, увещевать, договориться “по-хорошему”: “Скажи только, что ты поддерживаешь нашу линию, и всё будет в порядке”. Не поддался. А тем временем в доме порой наступало такое безденежье, что приходилось вещи продавать. Выстояли.

Когда Зюганов стал признанным лидером российской компартии, один из главных “архитекторов” перестройки А. Н. Яковлев, весьма пренебрежительно отзываясь о его работе в отделе пропаганды ЦК КПСС, сожалел о том, что он в свое время “пропустил Зюганова”, равно как и не снял с поста главного редактора “Советской России” Валентина Чикина. Если верить Яковлеву, то оставил он Зюганова в отделе только потому, что тот хорошо в волейбол играл. Явно лукавил Александр Николаевич – в той беспощадной политической борьбе, которая велась против убежденных и принципиальных людей, их спортивные достижения в расчет, конечно, не принимались. Помогли удержаться Зюганову, прежде всего, его соратники и друзья – такие же, как и он, преданные своему делу патриоты. Сыграло свою роль и то, что сектор отдела пропаганды и агитации ЦК, в котором работал и который затем он возглавил, занимался подбором и назначением идеологических кадров. Поэтому довелось Геннадию Андреевичу принимать участие в судьбах многих руководящих и партийных работников, которые впоследствии оказали ему серьезную поддержку в трудный период жизни. Причем часто помогали те, на кого даже и не рассчитывал – далеко не все паниковали в обстановке смятения и хаоса, наоборот – у большинства тогда проявились самые лучшие человеческие качества. Поддержка эта ничего общего не имела с кумовством, существовавшим в некоторых эшелонах власти, – защита Зюганова, многие рисковали своим положением и карьерой. Пришли на помощь даже те, с кем подружился еще в молодые годы, в период комсомольской работы.

О комсомольском братстве Зюганов всегда вспоминает с особой теплотой, гордится своей комсомольской молодостью. В свое время, когда дал согласие перейти из института на работу в заводской райком ВЛКСМ, не было у него еще уверенности, что обретет он себя на новом поприще. Поэтому поначалу сохранял пути для отступления: читал лекции по математическому анализу, проверял контрольные, выкраивал время для занятий наукой. Для людей сведущих такое совмещение может показаться нереальным – слишком много сил отнимала профессиональная комсомольская работа, чтобы параллельно с ней можно было серьезно заниматься чем-то еще. Помогала жесткая самодисциплина и организованность – качества, которые после армии вошли у Геннадия в привычку и со временем были доведены едва ли не до автоматизма. Кому-то жизнь, расписанная по часам на месяц вперед, может показаться скучной – для него же всегда являлась необходимым условием полноценной деятельности. Заметим, что преподавание в институте он не оставлял и в период партийной работы в Орле, переключившись после окончания Академии общественных наук при ЦК КПСС с математики на философию. Причем относился он к преподаванию отнюдь не как к средству дополнительного заработка. По мнению Зюганова, ученый, переставший систематически заниматься наукой, рано или поздно превращается в обычного дилетанта.

По своему характеру комсомольская работа предполагала целую череду экзаменов на жизненную зрелость и профессиональную пригодность, естественный отбор, позволявший выявить подлинных молодежных вожаков, настоящих лидеров и организаторов. Именно благодаря тем, кто выдержал эти испытания, для миллионов молодых людей комсомол становился блестящей школой мужания и закалки. Хорошо помнит Геннадий Андреевич, как отправлял на комсомольские стройки молодых ребят, с какой гордостью ехали они в далекий Шелехов на строительство Иркутского алюминиевого завода. Уезжали совсем зелеными и неоперившимися, а возвращались через два-три года зрелыми, знающими себе цену людьми, высококвалифицированными рабочими, бригадирами, специалистами. На его глазах росли люди в комсомольско-молодежных коллективах, участвовавших в реализации программы комплексного развития Орла – еще бы, своими руками свой город отстраи-

вали! Да как отстраивали – вся страна изучала и внедряла опыт “орловской непрерывки”!

Но, пожалуй, самое важное заключалось в том, что комсомол, сохраняя преемственность поколений, цементировал живую связь времен. Верной опорой в этой работе служили те, кто жил и трудился рядом с молодыми, – люди с уникальными, порой легендарными судьбами. До сих пор не перестает Геннадий Андреевич восхищаться удивительными качествами своих прославленных земляков: несмотря на свое героическое прошлое, огромные заслуги и высокие награды, на тот почет, которым были окружены, они остались добрыми, чуткими, отзывчивыми, сохранили ясный взгляд на жизнь. Многому он научился у них.

Давно известно, что переломная эпоха в жизни любого общества сопровождается неизбежным конфликтом поколений, обострением проблемы отцов и детей. Руководствуясь беспрецедентным по своей циничности лозунгом одного из экономистов – “прорабов” перестройки: “Предстоит сначала выжить, а потом уже жить”, организаторы новой жизни поступили просто: отдав на разграбление общественное достояние, они обрекли на выживание, а точнее будет сказать – на вымирание тех, кому Россия обязана своим былым могуществом. Благодаря которым за десятилетие страна проходила в своем развитии путь, равный целой эпохе. Вспомним, к примеру, конец двадцатых годов, когда мы ещё толком не умели производить ни самолетов, ни тракторов. А 41-й встретили с самой современной техникой, с лучшим в мире танком Т-34, с лучшей пушкой, с лучшей реактивной установкой, с новыми самолетами. За каждую пятилетку возводилось 1000–1200 заводов, создавались целые промышленные отрасли.

Зюганов убежден, что в наши дни современную молодежь можно и нужно воспитывать на судьбах комсомольцев предыдущих поколений. Нельзя вычеркивать из нашей истории свершения тех, кто распахал целину, проложил дорогу в космос, возвел новые города, создал уникальный промышленный и научный потенциал великой державы.

Существует расхожее мнение, что комсомольские работники, войдя в номенклатуру соответствующих партийных комитетов, обретали гарантированную перспективу дальнейшего восхождения по традиционным ступеням карьерного роста: комсомол – партия – высокие управленческие должности. Однако дорога эта на самом деле была тернистой, многие сходили с нее в силу своих не слишком высоких профессиональных и моральных качеств или отсутствия способности к постоянному самообразованию. Наконец, далеко не все выдерживали напряженный ритм работы, тяжелый груз ответственности. Чем дальше по этому пути продвигаешься – тем сложнее. То же городское хозяйство с его сплетением экономических и социальных проблем постоянно выдвигало задачи, требующие каждый раз новых, нестандартных решений. А после того как избрали Зюганова вторым секретарем горкома КПСС и в его ведение вошли городские административно-государственные органы, пришлось ему постигать все тонкости механизмов региональной власти и ведомственного управления, представлявших в своей совокупности и взаимодействие, по сути, уменьшенную модель целого государства.

Те, кто знаком с партийной работой не понаслышке, хорошо знают, что рано или поздно она приводила к жесткому прагматизму даже людей, склонных по своей натуре к созиданию и творчеству. С одной стороны, многих вынуждало руководствоваться в практической деятельности холодным расчетом и рационализмом бремя повседневных забот и ответственности. С другой – инициатива на местах могла оказаться (что нередко и случалось) попросту наказуемой, так как не укладывалась в рамки норм и правил, предписываемых сверху. Как известно, к концу шестидесятых годов в наезженной колее традиционных представлений о социалистических методах хозяйствования безнадежно увязли косыгинские реформы. После этого поиск эффективных управленческих решений в сфере экономики, науки и техники, социальных отношений все чаще стал подменяться имитацией творческих инициатив на местах, которые выражались в казенных лозунгах, призывавших к досрочному выполнению пятилетних планов и социалистических обязательств в честь красных дат календаря и партийных съездов.

Можно утверждать, что в этих условиях Зюганову здорово повезло – ему довелось работать в Орловском горкоме партии в годы, когда в нем под

руководством А. П. Иванова возобладал здоровый идеализм, благодаря которому был осуществлен настоящий прорыв в одной из наиболее болезненных и жизненно важных отраслей – жилищном строительстве. Вряд ли кто сейчас, в эпоху извращенного представления о жизненных ценностях, поверит, что люди, разработавшие и осуществлявшие “орловскую непрерывку”, являлись идеалистами и мечтателями с большой буквы. Но это было на самом деле так. В генеральном плане развития города они видели воплощение мечты о городе будущего, которая захватывала умы людей со времен Томмазо Кампанеллы. Правда, великий итальянский мыслитель Средневековья грезил в первую очередь утопическими идеями нового общественного устройства жизни горожан. Руководители Орла задались более насущной целью – создать для своих земляков красивый современный город с достойными условиями жизни. Перспектива развития нового города, представлявшегося им живым и единым организмом, требовала комплексного и гармоничного планирования. Глубина проработки проблем затрагивала даже такие вопросы, как пути и пределы урбанизации, оптимальная численность населения областного центра, позволяющая выстроить наиболее надежную и эффективную инфраструктуру городского хозяйства.

Замыслы эти полностью захватили Зюганова – не случайно у него в доме и сейчас красуется панорама Орла в том виде, как его задумали авторы проекта, которые, при всех прочих идеях, попытались осуществить три замысла: построить город-сад, максимально развернуть его лицом к рекам – Оке и Орлику, создать современный центр образования и культуры. И главное, в основном все намеченное удалось воплотить в жизнь. Комплексная застройка городских массивов осуществлялась поточным методом на основе последовательного, непрерывного планирования, проектирования и финансирования строящихся объектов. Был создан своеобразный строительный конвейер, его запустили только после двух лет кропотливой подготовительной работы, в течение которой разрабатывалась проектно-сметная документация, сносились старые объекты, готовились площадки для новых зданий и сооружений, подъездные пути и коммуникации. Строилось не просто жилье, а возводились целые микрорайоны с развитой коммунальной и социальной инфраструктурой, включавшей в себя школы и дошкольные учреждения, объекты медицинского, бытового обслуживания, культуры и спорта. Работа всех общестроительных трестов и специализированных строительных управлений была спланирована таким образом, чтобы переход строителей с объекта на объект осуществлялся ритмично и плавно, исключал штурмовщину, долгострой и незавершенное строительство. Все это обеспечило невиданные темпы ввода благоустроенного жилья: в городе с населением 300 тысяч жителей стало ежегодно сдаваться почти 200 тысяч квадратных метров жилой площади! За несколько лет был не только сформирован новый, современный облик города, но и заложена мощная основа, разработаны перспективы его развития на многие годы вперед, которые не потеряли своей актуальности и в наши дни. Был, правда, период в девяностые годы, когда повсеместно и без разбора хватались за каждое новое веяние, в том числе и в строительстве. К чести земляков Зюганова, не дали они предать забвению свой бесценный опыт. Не случайно принципы и механизмы “орловской непрерывки” и сейчас довольно успешно использует в своей деятельности и крупнейшая строительная организация области – “Орелстрой”.

Орел – это любовь на всю жизнь. А особая гордость Зюганова – орден, полученный за строительство родного города.

Всё впереди

То, что начало правления Путина ознаменовалось ростом ожиданий положительных перемен, было ясно и без социологических опросов. Во всяком случае, ни у кого не вызвали сомнений утверждения социологов, что три четверти россиян связывали с избранием нового президента надежды на изменение жизни к лучшему. Мотивы этих ожиданий, как правило, совпадали: по данным Левада-центра, проводившего исследование в конце 2000 года, большинство из поддерживавших Путина россиян видело в нем прежде всего государственника и патриота, не особенно обращая внимания, к какому лагерю он принадлежит – к демократам или консерваторам.

Естественно, что и в КПРФ многие из тех намерений, которые публично декларировались президентом, были встречены с пониманием и одобрением. И у Зюганова теплилась надежда, что тяжелое, выматывающее все силы противостояние сменится наконец конструктивным диалогом между оппозицией и властью, что появится возможность использовать огромный потенциал партии во благо страны. Конечно, неизбежно вставал вопрос, на который можно было получить ответ только по прошествии времени: сумеет ли Путин порвать с тем кланом, который его породил? Как полагал Геннадий Андреевич, при желании и наличии политической воли зависимость от олигархических кругов можно было преодолеть. В Думе третьего созыва вновь сложился сильный левый блок, который был готов поддержать начинания президента, направленные на возрождение сильного, социально ориентированного государства.

Поначалу казалось, что и “Единство” настроено на сотрудничество с коммунистами. Начало работы нового парламента ознаменовалось тем, что малочисленные фракции, недовольные так называемым “пакетным соглашением”, то есть распределением руководящих должностей в Госдуме, даже заподозрили руководство КПРФ в “сговоре” с прокремлевским блоком. Однако все очень быстро прояснилось и стало на свои места – именно у “обиженных” и обнаружилось духовное родство с “Единством”, которое очень быстро материализовалось в естественном сращивании близких по своей природе блоков. “Интеграционный процесс”, как известно, увенчался созданием Координационного совета депутатских объединений, в который вошли “Единство”, “Отечество – Вся Россия”, “Регионы России” и “Народный депутат”. Но более значимым итогом стало образование партии “Единая Россия”. А сохранение медведя в качестве символа “единороссов” служило для примкнувших к “партии власти” поверженных конкурентов напоминанием, кто действительно в доме хозяин.

Изобретательность кремлевских политтехнологов проявилась не только в строительстве подпорок для президентской власти. Одновременно разрабатывались – а вскоре и начали осуществляться – планы по устранению с политической сцены КПРФ. Сначала была изобретена хитроумная комбинация по роспуску парламента, для чего намеревались использовать поднятый коммунистами вопрос о вотуме недоверия правительству Михаила Касьянова.

Как известно, в свое время правительству Примакова – Маслюкова даже восемь месяцев хватило на то, чтобы вдохнуть жизнь в “убитую” либералами-реформаторами экономику. Для этого были приняты меры по предотвращению оттока капитала, регулированию тарифов естественных монополий и цен на энергоносители. После того как заводы и фабрики стали получать с рынка замещающие импорт заказы, заметно улучшилось положение дел в машиностроении и пищевой промышленности. По мнению многих специалистов, ожививший экономику импульс действовал еще около трех лет. К тому же дальнейшему экономическому оздоровлению способствовали девальвация рубля, в результате которой повысилась конкурентоспособность отечественных товаров на внутреннем рынке, и взлет мировых цен на нефть. Однако благотворные предпосылки для того, чтобы трансформировать временные, тактические выигрыши в постоянные, стратегические преимущества, использовать никто не собирался.

Вопрос о вотуме недоверия правительству фракция КПРФ поставила в начале 2001 года – необходимо было обратить внимание общественности на то, что страну продолжают вести прежним разрушительным курсом. Неожиданно о своей готовности поддержать коммунистов заявила и фракция “Единство”, которая, естественно, и не думала подвергать работу правительства сомнению. Отставка кабинета Касьянова нужна была “Единству” только для того, чтобы дать президенту повод для роспуска Госдумы и назначения новых выборов. Мастера политических интриг надеялись, что, используя рейтинг доверия Путину, им удастся значительно урезать представительство коммунистов в парламенте. Создать представление о КПРФ как о партии, которая не только тянет всех в прошлое, но еще и палки вставляет в колеса неустанно пекущемуся о благе страны президенту, при наличии тотального контроля над СМИ, было делом техники.

Обращает на себя внимание та спешка, с которой стремились выдавить Компартию на обочину, – ведь третья Дума отработала едва больше четверти положенного срока. Объяснение одно: торопились, пока народ не опо-

мнился, – близилось время обсуждения в парламенте целого пакета законов, подготовленных обновленной командой “реформаторов” и носивших ярко выраженный антинародный характер. Коммунисты оставались единственной влиятельной силой, способной не только помешать их принятию, но и открыть людям глаза на то, что в действительности крылось за обещаниями властей. В Кремле, естественно, не питали надежд, что КПРФ удастся склонить к сотрудничеству, – ведь все предшествующие разговоры о “соглашательстве” и “сговорах” Компартии были рассчитаны на то, чтобы ввести в заблуждение чрезмерно наивных людей. Тот, кто их периодически затевал, прекрасно знал: ни в одном принципиальном вопросе, затрагивающем судьбу страны и коренные интересы народа, коммунисты на уступки и компромиссы не пойдут.

Лишний раз в этом можно было убедиться во время обсуждения в Думе Земельного и Трудового кодексов, устанавливавших свободную куплю-продажу земли и феодальную зависимость трудящихся от работодателей. Особенно большое недовольство у тех, кто их готовил и продавливал, вызвало то, что борьба коммунистов против принятия антинародных законов сопровождалась резким усилением социальной активности населения. Прокатилась мощная волна акций протеста, на которых было собрано свыше четырех миллионов подписей и впервые были выдвинуты лозунги с требованием отставки Путина. В этот период рейтинг КПРФ превысил 30 процентов, то есть вообрал в себя почти весь протестный потенциал.

Месть последовала незамедлительно. Объединившись, антикоммунистические силы в парламенте пересмотрели заключенное ранее “пакетное соглашение” и лишили представителей фракции КПРФ и их ближайших союзников – аграриев руководящих постов в восьми комитетах Госдумы. Организаторы этой акции даже не пытались скрывать, что коммунисты были “наказаны” за противодействие принятию Земельного и Трудового кодексов. Мстительность режима существенно подорвала не только парламентские позиции левых, но и снизила профессиональный уровень Думы, так как ее важнейшие комитеты лишились высококлассных руководителей. Началось стремительное превращение парламента в послушный инструмент исполнительной власти, законотворческий процесс стал перемещаться из стен Государственной думы в кабинеты правительства и администрации президента. Слова Путина о том, что власть нуждается в сильных политических соперниках, а не в чиновничьих партиях, приносящихся к ней, лишь прикрывали начинавшийся процесс сворачивания и без того куцых демократических элементов государственного устройства.

В то же время настойчивое стремление путинских “реформаторов” во что бы то ни стало довести до логического конца начатое их бездарными предшественниками не оставляло сомнений в приверженности кремлевской администрации ельцинскому курсу. Еще в 1998 году КПРФ обнародовала документ, тщательно скрывавшийся от общественности и вызвавший после его публикации целую бурю негодования среди самых разных политических кругов. Направленный в Международный валютный фонд меморандум, который подписали премьер-министр Кириенко и председатель Центробанка Дубинин, помимо планов ускоренной приватизации стратегических отраслей военно-промышленного комплекса и разрушения естественных монополий, содержал *обязательства по уничтожению всей сферы социальных гарантий*. В частности, в качестве первоочередной меры предполагалось ужесточить бюджет за счет ежегодного повышения квартплаты на 15 процентов. КПРФ расценила меморандум как свидетельство грядущего широкомасштабного наступления на социальные права населения, которое начало готовиться еще в 1997 году, с приходом в правительство Черномырдина “младореформаторов” Чубайса и Немцова. Тогда эти замыслы реализовать не удалось. Но то, что в те годы получало отпор не только левых сил, но и всех здравомыслящих политиков, поскольку представлялось чудовищным, неприемлемым для России и антидемократическим по своей сути, было с завидным хладнокровием осуществлено за время правления Путина, который пошёл намного дальше Ельцина. При одобрении и активной поддержке большинства парламента уничтожено почти все советское наследие не только в социально-экономической, но и в политической сфере. В своем стремлении вытравить из сознания людей все позитивные ассоциации, связанные с социализмом, именно путинская власть вычеркнула из официального российского календаря главный народный праздник – годовщину Великого Октября. Только невежеством и дикостью мож-

но объяснить непонимание того, что подобным образом нельзя вымарать из истории событие, ставшее поворотным пунктом в судьбе всего человечества.

В 2002 году КПРФ, не желая прикрывать разрушительную политику своим авторитетом, приняла решение отозвать своих представителей со всех руководящих постов Госдумы, оставленных за коммунистами в качестве унижительной подачи после их передела между прокремлевскими фракциями. Три члена партии, отказавшиеся подчиниться воле большинства, были исключены из ее рядов. Это была вполне здоровая и адекватная реакция КПРФ на проявление у некоторых коммунистов рецидива болезни, которую Геннадий Андреевич называет «синдромом кресла». Как мы помним, нечто подобное случилось в 1998 году, когда, опасаясь лишиться своих мест в парламенте, несколько депутатов, вопреки решению ЦК КПРФ, дали Ельцину возможность проташить на пост председателя правительства Сергея Кириенко.

Эти внутрипартийные события либеральные средства массовой информации использовали как повод для очередного похода против Зюганова лично и Компартии в целом. Нашлось немало желающих представить итоги обсуждения персональных дел как личную «расправу» лидера партии над негодными, как преддверие неминуемого развала КПРФ. Чрезмерно преувеличивалось значение откола от Компартии Геннадия Селезнева. Но подавляющему большинству партийного актива уже давно, с момента возникновения под руководством спикера Думы движения «Россия», были известны его непростые отношения с КПРФ, порожденные стремлением проводить собственную, независимую от нее политику. Не случайно создание Селезневом осенью 2002 года – всего лишь через три месяца после исключения из КПРФ – Партии возрождения России было благосклонно встречено в «верхах», поскольку вполне укладывалось в планы Кремля замутить левое движение, размыть его социальную базу, растащить электорат. Весьма характерна оценка учредительного съезда этой партии членом генерального совета «Единой России» Андреем Исаевым: «Мы будем выступать союзниками в решении ключевых государственных вопросов. Но избирательная кампания предполагает борьбу за электорат... Думаю, борьба за электорат будет происходить больше с КПРФ, чем с нами». Кто же в этом сомневался? Ведь для этого новая партия и понадобилась власти.

По мнению Зюганова, итоги съезда «партии Селезнева» свелись к трем пунктам принятого на нем постановления: пункт первый – поддержать Владимира Владимировича; пункт второй – агитировать за Владимира Владимировича; пункт третий – помочь Владимиру Владимировичу.

Судьба Селезнева отражает незавидный удел целого ряда *бывших* деятелей Компартии, начиная с Ивана Рыбкина, решивших пойти в политике своим путем. Видно, нелегко преодолеть искушение, когда знаешь, что твои шаги поддерживаются на самом верху. Не наше право судить об их выборе. Но все же одна закономерность бросается в глаза. Почти все они, за очень редкими исключениями, сгорели как политики – после того как у власти отпала в них надобность. К примеру, подобная участь постигла Сергея Глазьева, хотя, в отличие от Партии возрождения России, исповедовавшей принцип кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно!», его «Родине» при помощи Кремля был создан привлекательный имидж радикальной патриотической организации. А кто скажет, чем сейчас занимаются Владимир Тихонов, Сергей Потапов, Татьяна Астраханкина, отколовшиеся от КПРФ и создавшие так называемую Всероссийскую коммунистическую партию будущего? А ведь прошло всего три года после их громких заявлений о рождении массовой коммунистической организации нового типа.

Где все эти люди, где их партии, движения и блоки?

Напрашивается вывод, что все они по-настоящему были востребованы в большой политике только до тех пор, пока оставались коммунистами, пока выдвигались на руководящие посты и поддерживались на них Компартией. Наконец, пока делали одно дело с Зюгановым – человеком, который ни разу, какие бы клеветнические кампании ни затевались вокруг него, не изменил своим взглядам и убеждениям, не отступил от той линии, которую обосновывает и защищает в течение многих лет.

И своевременно проявил необходимые волевые качества, когда некоторые коммунисты, укрепив свой авторитет с помощью партии, забыли о своей ответственности перед ней. С твердой позиции, которую занял в 2002 году

при решении кадровых и других сложных вопросов внутривнутрипартийной жизни, он не сошел и позднее, когда развернулась борьба за единство КПРФ. Трудно сказать, что бы стало с Компартией, если бы Зюганов дрогнул тогда, когда только появились первые признаки коррозии в ее руководящих звеньях – ведь под КПРФ уже подкапывались “кроты”, которые в самом преддверии новой избирательной кампании навязали ей войну на выживание. Положение тогда усложнялось тем, что раскольническая деятельность группировки Семигина – Потапова – Тихонова опиралась на мощные финансовые ресурсы, с помощью которых предполагалось приватизировать партию путем самых банальных подкупов – и явных, и скрытых под видом спонсорской помощи партийным структурам. Но “пятая колонна” была изгнана из партии – никто из ее создателей не ожидал, что она получит решительный отпор в самой гуще партийных масс, в низовых звеньях партии.

Наивными выглядят попытки представить все происходившее в КПРФ в 2002–2004 годах как внутренние “разборки” в руководстве партии. Это была борьба против самой партии, итогом которой должна была стать подмена социально-классовой организации сообществом людей, которых вполне устраивала сложившаяся в стране политическая и социально-экономическая ситуация. Внешне разговоры и обещания раскольников выглядели довольно привлекательными – кто же будет возражать против перевода деятельности партии на современную профессиональную основу, расширения сферы ее влияния, увеличения массовости социальной базы? Но, проведя с помощью откровенного обмана партийного актива и чисто криминальных приемов так называемые “альтернативные” пленум и съезд, они сразу же обнажили сущность своей капитулянтской платформы. На первой – в то же время и последней – своей пресс-конференции в качестве самозванного партийного лидера Тихонов заявил: “Компартия, которую мы возглавляем, не ищет конфронтации с властями”.

Решающее значение в борьбе за преодоление внутривнутрипартийного раскола имел X съезд КПРФ, состоявшийся в июле 2004 года и принявший резолюцию “О единстве в партии”. Съезд отметил, что у раскольников не было ни своей идеологии, ни видения общественной ситуации, положения и перспектив КПРФ. Они не представляли собой какого-то особого политического течения, а были всего лишь инструментом в руках других сил, прежде всего “партии власти”.

В сложившейся тогда ситуации трудно разобраться, если не видеть и не понимать главного: в течение предшествующих четырех-пяти лет против КПРФ велась непрерывная война на полное уничтожение, в которой можно выделить три периода. Сначала были предприняты попытки “задушить партию в объятиях”. Затем они сменились стремлением власти затоптать ее с помощью “центристского большинства” в парламенте и затравить сворой послушных СМИ. Наконец, решив, что основное дело сделано, попытались добить партию скоординированными ударами как извне, так и изнутри.

Но партия выстояла, хотя и понесла серьезные потери. Фракционеры сумели создать на некоторое время довольно нервную обстановку в ЦК и ряде региональных организаций, отвлечь значительные силы от решения очередных, насущных задач КПРФ, помешать руководству партии в ответственные моменты политической борьбы. Они не дали возможности здоровому ядру партии сосредоточиться на участии в очередных выборах Госдумы и провести полноценную избирательную кампанию. Шумиха, поднятая средствами массовой информации и сопровождавшаяся, по традиции, клеветническими измышлениями о положении дел в КПРФ, посеяла неуверенность и сомнения среди тех избирателей, кто традиционно ее поддерживал.

В итоге на выборах 2003 года КПРФ потерпела чувствительное поражение, собрав лишь 12,7 процента голосов избирателей. Серьезный урон не только Компартии, но и всем левым силам нанесли избирательные блоки, наловчившиеся имитировать заботу о трудящихся и обездоленных слоях населения. В частности, весомую долю голосов оторвала у коммунистов “Родина”, созданная и действовавшая при непосредственном участии правящего режима, его финансовой и пропагандистской поддержке. Трудно сказать, какие чувства испытывали избиратели, отдавшие предпочтение этому блоку, когда сразу же после выборов наблюдали за его фактическим распадом, сопровождавшимся постыдной склокой.

Результат известен: господствующее положение в парламенте заняла “Единая Россия”, превратившая высший орган законодательной власти в цех по штамповке буржуазных законов.

Шаг вперед, два шага назад – такая ситуация уже складывалась в российском коммунистическом движении ровно сто лет назад, после II съезда РСДРП. И на этот раз Компартии пришлось отступить с завоеванных позиций. К ее чести, ненадолго: неудача на выборах не расколола, а только сплотила КПРФ.

Не сбылась надежда власти, что коммунистов удастся добить весной 2004 года на президентских выборах. Их кандидату Николаю Харитонову пророчили не больше 5–6 процентов голосов, что должно было продемонстрировать политическое и моральное банкротство КПРФ. Однако он набрал почти в три раза больше и показал, что даже в чрезвычайных условиях Компартия – вторая политическая сила в стране. Его результат свидетельствовал об изменении настроений вконец запутанных избирателей в пользу коммунистов. Намечившиеся позитивные сдвиги партии удалось закрепить на своем очередном съезде. Эти два события – президентские выборы и прошедший вскоре после них X съезд КПРФ – и стали теми вехами, от которых берет отсчет новый период в жизни Компартии, характеризующийся восстановлением и ростом ее влияния в обществе.

Казалось бы, те потрясения и неудачи, которые пережила партия, вынуждают ее надолго “залечь на дно” и зализывать полученные раны. Однако Зюганов и его соратники сумели не только стабилизировать обстановку в КПРФ, но и в короткие сроки добиться позитивного перелома в ее деятельности. Причем не последнюю роль в этом сыграли личные качества, поведение лидера партии в экстремальных условиях. По свидетельству близких к нему людей, даже в самые трудные дни его не покидало спокойствие, которое передавалось и окружающим его соратникам. Было оно следствием убежденности в собственной правоте и верности стратегической линии партии. Как политику честному, ему было не в чем оправдываться, нечего скрывать от окружающих, чего-то стесняться или от чего-то отрекаться. Поэтому он не делал попыток разрешить принципиальные конфликты в узком, келейном кругу, на руководящем уровне, не вынося сор из избы, а действовал открыто, дав возможность разобраться в них широкому партийному активу и рядовым коммунистам. То есть следовал тому, чему учил партийных руководителей Ленин: “Пусть партия знает всё, пусть будет ей доставлен *весь, решительно весь материал* для оценки всех и всяческих разногласий, возвращений к ревизионизму, отступлений от дисциплины и т. д. Побольше доверия к самостоятельному суждению всей массы партийных работников: они, и только они, сумеют умерить чрезмерную горячность склонных к расколу группок...”

Этим же принципом Геннадий Андреевич руководствовался, когда пришла пора всесторонне проанализировать и собственные упущения, и просчеты, допущенные руководством КПРФ. От критики не уходил и своих ошибок не скрывал. Пожалуй, больше всего их оказалось в кадровой работе. Думается, что порой Зюганова подводило то доверие, а порой и излишняя мягкость, с которыми он привык относиться к людям. Трудно сказать, следует ли относить эти свойства характера к недостаткам руководителя крупнейшей политической организации. Ведь все же речь идет о Компартии, где всегда ценилась нравственная, человеческая сторона взаимоотношений, позволяющая сохранять в ее рядах здоровую товарищескую атмосферу. Вряд ли можно упрекать человека в том, что он привык видеть в окружающих лучшие черты: честность, порядочность, искренность.

Но тем не менее в какие-то моменты именно эти свойства Зюганова мешали ему вовремя распознать людей, примкнувших к Компартии и Народно-патриотическому союзу с корыстными целями, скрывавших за показной искренностью непомерные личные амбиции. О них Геннадий Андреевич вспоминает с особой горечью: “Даже по-человечески было трудно поверить, что люди, много лет проработавшие с нами бок о бок, говорившие правильные слова, нередко занимавшие ответственные должности, способны так переродиться и начать войну с партией. Что скрывать, долго казалось, что речь идет о каком-то недоразумении, непонимании, а может быть, просто случайных обидах этих людей. Казалось, достаточно разъяснить им сложившуюся обстановку, помочь понять ошибки, и все станет на место. Однако этого не случилось”.

В этих словах больше сожаления, нежели осуждения. Не в привычках Геннадия Андреевича говорить плохо о людях, с которыми работал. В каждом отдельном случае пытается разобраться, что же произошло с человеком, почему тот отступил, свернул в сторону. И чаще всего приходит к выводу, что у людей не хватало терпения, когда они видели, что их ожидания *скорых перемен* не оправдываются. Не всем удалось преодолеть психологический барьер, возникший после выборов 1995–1996 годов, которые некоторая часть коммунистов восприняла не как большой шаг вперед (чем, безусловно, они и явились), а как стратегическую неудачу, упущенную победу. Не все оказались готовы к трудному и долгому маршу, не всем хватило твердости и бойцовских качеств. Кстати, по этой же причине постепенно затухала оппозиционная активность ряда видных деятелей отечественной интеллигенции. К тому же некоторые из них устали от постоянного соприкосновения с той грязью в политике, которую порождали сначала ельцинский, а потом путинский режимы.

Многие представители патриотической оппозиции, объединенные идеей возрождения сильной России, обманулись в Путине. Не все разглядели, что формирование властной «путинской вертикали» укрепляет лишь режим единоличного правления, подчиненного олигархическому клану, и ничего общего не имеет с созданием государства, призванного защищать интересы всего народа. Это в какой-то мере обнажило те противоречия между Компартией и некоторыми патриотическими движениями, которые Зюганов в свое время призывал отложить «на потом», до лучших времен. Кое-кто поспешил убедить себя, что такие времена уже наступили и страна не нуждается в коренных, *социалистических* преобразованиях.

И все же в нелегких условиях общественного брожения партия за очень короткий срок сумела не только восполнить потери, но и ощутимо усилить свой кадровый состав, интеллектуальный и духовный потенциал. Связал свою судьбу с Компартией знаменитый физик, лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов, который, по его собственным словам, за двенадцать лет работы в Госдуме пришел к выводу, что только фракция коммунистов поддерживает науку и образование. Весной 2007 года вступил в КПРФ знаменитый кинорежиссер Владимир Бортко – вступил уже в зрелом возрасте, убедившись, что социалистической идее, несмотря на многочисленные ее искажения в прошлом, нет альтернативы. Многие авторитетные представители российской интеллигенции вернулись к активному сотрудничеству с КПРФ после того, как окончательно разочаровались в политике Путина. Сейчас возвращаются и те, кто в силу заблуждений несколько лет тому назад пошли по пути раскола.

Существенные коррективы партия внесла в работу со своими союзниками. Много лет КПРФ всемерно поддерживала близкие ей по духу партии и движения, оказывала им бескорыстную помощь, почти ничего не требуя взамен. Речь идет не о политическом торге. КПРФ, сыграв историческую роль в сплочении патриотических сил России, была вправе рассчитывать на более существенные ответные шаги. Ведь именно благодаря Компартии представители многих левых и патриотических организаций смогли войти в Государственную думу, получив, таким образом, новые возможности для пропаганды своих идей и укрепления авторитета среди населения. Ради своих союзников, в интересах расширения фронта сопротивления режиму Компартия шла даже на то, что сокращала собственное присутствие в высшем законодательном органе. Увы, далеко не всегда это себя оправдывало. Например, на выборах 2003 года в избирательных списках КПРФ не нашлось места для многих достойных и преданных работников партии. В то же время далеко не все депутаты, избранные в Госдуму от блока КПРФ, защищали интересы Компартии, не все поддержали ее в тяжелые моменты борьбы на два фронта – против режима и собственных раскольников. Дело доходило до парадоксов: получив мандат от КПРФ, отдельные депутаты присоединялись к хору ее хулителей и всячески пытались дискредитировать Зюганова. . .

Стало ясно, что в работе с некоторыми союзниками были допущены если не стратегические, то тактические просчеты. Все это заставило руководство КПРФ выработать более четкие и строгие подходы к политическому сотрудничеству. Союзы теперь заключаются только с теми организациями и личностями, которые разделяют основные позиции КПРФ по жизненно важным для всей страны вопросам и признают принципы равноправия, товарищества и невмешательства во внутренние дела друг друга. Мало хороших и правильных

слов – они должны подкрепляться делом: все партнеры Компартии обязаны вносить в общую борьбу осязаемый интеллектуальный, политический и материальный вклад. Важнейшее условие работы членов КПРФ в левопатриотических союзах – оказание решительного отпора любым попыткам диктовать партии какие-либо условия.

В то же время Зюганов считает, что у партии достаточно серьезных и проверенных союзников. Ныне только в Общероссийском штабе протестных действий вместе с КПРФ плечом к плечу действуют почти три десятка общественно-политических, профсоюзных, женских, молодежных и ветеранских организаций. КПРФ – это внушающая уважение сила, и к ней будут тянуться все больше людей и объединений граждан, на самом деле сражающихся за лучшую, более справедливую и честную жизнь.

Руководство Компартии тщательно проанализировало и причины неудачи, постигшей идею создания патриотического “красного пояса”, который, по замыслу Зюганова и объединявшихся вокруг него лидеров патриотической оппозиции, должен был стать колыбелью новой российской государственности. Конечно, и здесь большую роль сыграли субъективные факторы – не обошлось без прямого предательства отдельных губернаторов, для которых личная карьера оказалась важнее интересов выдвинувшей и поддержавшей их партии. Но чаще всего руководители регионов и крупных городов были просто не в силах преодолеть жесткую зависимость от центра и предпочитали не ссориться с властями, а заключать с ними далеко идущие компромиссы, а точнее – сделки, чтобы добиться уступок, кредитов, дотаций, льгот. КПРФ и ее региональные организации не сумели обеспечить деятельность “красных” губернаторов активной поддержкой со стороны населения и местных законодательных собраний, на которые коммунисты не всегда могли оказывать необходимое влияние.

По мнению Зюганова, не оправдавший себя расчет на опору снизу основывался на устаревших теоретических представлениях о социально-классовом характере общества и социальной активности трудящихся. Не принималось во внимание, что в потоке социального расплава, вызванного либеральными реформами, успел сформироваться и организационно сплотиться только слой крупных собственников, представляющих господствующую верхушку нового класса буржуазии. Другим наиболее устоявшимся сегментом общества стал слой чиновничества. Огромный бюрократический аппарат составил ядро социально-политической базы режима, его “классовую гвардию”, которую власть укрепляет и кормит на народные деньги. Полностью в зависимость от “партии власти” попала низшая прослойка госслужащих, так называемые “бюджетники” – педагоги, воспитатели, научные и медицинские работники.

В то же время основной массив людей труда – рабочие и служащие предприятий, крестьяне, мелкие и средние предприниматели, создающие конкретные ценности, “компьютерный пролетариат” – оказался расколотым.

Промышленное ядро пролетариата в сравнении с советским периодом уменьшилось, по крайней мере, вдвое. Причем в его составе достаточно четко выделяются *три слоя*. Во-первых, это своего рода “рабочая аристократия”, сконцентрированная прежде всего в нефтегазовой и других отраслях, работающих на экспорт. Эти люди во многом являются заложниками своего относительно благополучного положения и более всего боятся его потерять. Поэтому они, как правило, общественно пассивны и политически управляемы.

Во-вторых, это работники тех предприятий, которые смогли уцелеть в хаосе экономической ломки последних пятнадцати лет и постоянно балансируют на грани минимальной стабильности. С ними у партии выстраивается гораздо лучшее взаимодействие.

Третий слой составляют трудящиеся заводов и фабрик, “лежащих на боку”, то есть втянутых в процесс искусственного разорения и приватизации предприятий либо их полного уничтожения. Здесь концентрируется громадный потенциал протеста. Объективно эта “треть” промышленного пролетариата ближе всего коммунистам по настроениям и интересам. Но, к сожалению, партия не всегда находит общий язык с этой возбужденной и радикализованной массой, порой опаздывает подключаться к ее выступлениям.

В целом социальная структура общества еще только выкристаллизовывается. Однако, как подчеркивает Зюганов, это не означает, что КПРФ сидит сложа руки в ожидании, пока объективные процессы социализации облегчат

ей работу среди тех групп граждан, которые заняты созидательным трудом. На сегодняшний день они составляют 60–70 процентов населения и вместе с пенсионерами представляют внушительную силу, за поддержку которой и борется Компартия на нынешнем этапе общественного развития. При этом даже среди некоторых коммунистов еще бытует заблуждение, что именно пожилые люди являются главной опорой КПРФ. Но на самом деле это не так: значительная часть пенсионеров после прихода к власти Путина оказалась подверженной патерналистским настроениям и стала социально пассивной, живет ожиданием подачек, прежде всего в виде жалких прибавок к пенсиям.

Структура социальной базы партии за последние годы существенно изменилась. Сейчас за партией стоит огромное количество людей молодого и среднего возраста, как правило – семейных, которые всё больше убеждаются, что у их детей нет будущего, что нынешняя власть завела в тупик решение жизненно важных проблем жилья, образования, медицины. В этом можно удостовериться, посетив манифестации и массовые акции протеста КПРФ: сразу же бросается в глаза, что возраст примерно трети их участников не превышает тридцати лет. И их число стремительно возрастает.

Внутри самой партии также идет активный процесс смены поколений, ее омоложения. Можно сказать, что КПРФ преодолела очень трудный этап своего развития, когда у нее фактически отсутствовала база численного роста. понадобилось время для того, чтобы поколение, вступившее в жизнь в девяностые годы, в эпоху всеобщей идейной сумятицы и яркой антикоммунистической пропаганды, набралось опыта, позволившего сделать переоценку ценностей. Если в течение нескольких лет Компартия не могла восполнять естественную убыль своих рядов, то в последние три-четыре года ежегодный прием нового пополнения неизменно увеличивается. И это при том, что в Коммунистическую партию сейчас вступают, как правило, только убежденные и мужественные люди. Ведь ни для кого не секрет, что члены и активисты КПРФ нередко подвергаются негласному или открытому давлению со стороны работодателей, административных и даже правоохранительных органов. Коммунист – персона нон грата во многих учреждениях бюджетной сферы. Все прекрасно знают, что антидемократический закон о партиях, по сути, дает власти возможность осуществлять тотальный контроль за всеми политическими организациями. Прежде всего, конечно, за теми, кто неугоден режиму.

Особый оптимизм внушает Зюганову заметный рост резерва КПРФ. Ширятся ряды ее ближайшего сподвижника – Союза коммунистической молодежи, в рядах которого сегодня состоит около 20 тысяч юношей и девушек. Переживает возрождение пионерская организация. 19 мая 2007 года только в Москве, у стен Кремля, в пионеры вступили 2,5 тысячи детей. Они приехали в столицу вместе со своими родителями, которые хорошо понимают, как важно вернуть детям полноценное детство.

Недели не проходит, чтобы Зюганов не встретился с молодежью – студентами, старшеклассниками, бойцами студенческих строительных отрядов. Приходилось не раз наблюдать, как он без труда находит общий, непринужденный язык с любой молодежной аудиторией, где, как известно, фальшь и заигрывания не проходят. Впрочем, общаться на этих встречах, как утверждает сам Геннадий Андреевич, стало значительно легче, чем, скажем, десять лет назад. Чистые, светлые ребята, духовно близкие партии, не отравлены тем ядом, который впрыскивали в неокрепшие умы в предшествующие годы. По всему видно, что без смены КПРФ не останется...